

**ТИПИКОН ИВЕРСКОГО МОНАСТЫРЯ НА АФОНЕ:
ПРЕДПОСЫЛКИ И ПАРАЛЛЕЛИ**

**ATINA İVIRON MANASTIRI'NIN TÜZÜĞÜ: YAZILIŞININ
ÖNKOŞULLARI VE DİĞER TÜZÜKLERLE KARŞILAŞTIRILMASI**

**THE TYPICON OF IVIRON MONASTERY: PRECONDITIONS AND
PARALLELS**

Salome ZVIADADZE*

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены предпосылки и параллели типикона Иверского монастыря на Афоне, сходство и различия между ними. Изучен вопрос о том, что в основу разработанного Григорием Ханцтели в IX веке и не дошедшего до нас монастырского устава был положен Палестинский типикон лавры св. Саввы Освященного, который был предположительно приспособлен к условиям Ханцтийской обители и в нем должен был быть также обобщен опыт, полученный отцом Григорием в результате путешествия в Грецию.

Типикон Иверского монастыря на Афоне должен был сформироваться в конце X века. В научной литературе установлено, что он составлен на основе типикона патриаршего храма Константинопольской св. Софии с учетом традиций, сложившихся на Афоне.

Правила общежительной жизни братьев в Ханцтийском монастыре и Иверском монастыре на Афоне в основном одинаковы. Это может объясняться тем, что порядок жизни для христианских православных монастырей был вообще строго определен и действует поныне.

Здесь же нужно отметить, что Иверский монастырь на Афоне был построен в 980-983 годах. Его основателями и первыми строителями были великие грузинские деятели преподобный Иоанн Мтацминдский и полководец Торнике Эристави, в монашестве Иоанн-Торникий. В 989 году грузинский царь Давид Куропалат оказал византийскому монаршему двору – овдовевшей царице и малолетним наследникам кесаря – помощь в борьбе с восставшим против них малоазиатским феодалом Вардой Склиром. За это Грузия получила право на управление «верхними странами», а

* ORCID: [0000-0002-0588-1607](https://orcid.org/0000-0002-0588-1607), Zviadadze, S., Phd Student of Samtshke-Javakheti State University, Akhaltsikhe, Georgia, salomeubisa@gmail.com

Типикон Иверского Монастыря На Афоне: Предпосылки и Параллели

победивший главнокомандующий войсками Торнике Эристави – состояние, приняв которое, он вместе с Иоанном Мтацминдели смог купить земли на берегу моря в центре Афонского полуострова Аион-Ороси, построить там великолепный храм Успения Пресвятой Богородицы и монастырь. В те времена на Афоне подвизалось множество грузин, и вскоре Ивирон стал главным монастырским и культурно-просветительным центром грузин за границей.

Цель статьи – характеристика Типикона Иверского монастыря на Афоне по дошедшим до нас фрагментарным источникам и рассмотрение его предпосылок на основе проводимых параллелей.

Ключевые слова: типикон, Ханцтийский монастырь, Иверский монастырь на Афоне, св. Григорий Ханцтели, св. Евфимий Мтацминдский.

ÖZ

Makalede Atina Dağı'nda bulunan İvironi (Gürcü) Manastırı tüzüğünün yazılmasının önkoşulları ve diğer tüzüklerle olan benzerlik ile farklılıkları irdelenmiştir. Günümüze kadar tam haliyle ulaşamayan bu tüzüğün daha IX. Y.Y'da Grigol Khantsteli tarafından Filistin Aziz Saba Manastırı'nın tüzüğünü esas alarak yazıldığı düşünülmektedir. Aziz Saba Manastırı'nın tüzüğünde gerekli değişiklikler yapılarak Khantsta Manastırı'nda faaliyet gösteren din adamları tarafından da kullanılmıştır. Aziz Grigol Khantsteli Yunanistan gezisi sonunda edindiği bilgilerle Khantsta Manastırı tüzüğünü genişletmiştir.

Atina Dağı'ndaki İvironi Manastırı'nın tam tüzüğünün 10. yüzyılın sonunda oluşması gerek. Bilimsel literatüre göre bu tüzük İstanbul Ayasofya Manastırının tüzüğüne dayanarak ve Atina'daki gelenekleri de göz önünde bulundurarak yazılmıştır.

Khantsta ile Atina Dağı'ndaki İvironi Manastırında faaliyet gösteren din adamlarının sosyal hayatlarının kuralları temelde aynıdır. Bu durum Hristiyan Ortodoks manastırlarının yaşam düzeninin genellikle tanımlanmış ve halen yürürlükte olması ile açıklanabilir. Atina'daki İvironi Manastırı 980-983 yıllarında inşa edilmiştir. Kurucuları ile banileri ünlü Gürcü din adamı İoane Mtatsmindeli ve askeri komutan Tornike Eristavi (Manastıra çekildiğinde İoane-Tornike) idiler. 989 yılında Gürcü kralı Davit Kurapalati Bizans sarayına – dul kraliçe ile küçük yaştaki tahtın varisine -Anadolu'da isyana kalkan Barda Skliaros'a karşı savaşta yardım etti. Bundan dolayı Gürcistan “Yukarı Ülkeleri” yönetmek için hak kazandı. Komutan Tornike Eristavi ise yardım karşılığında aldığı servetle İoane Mtatsmindeli ile birlikte Aion-Orosi adlı Atina Yarımadası merkezinde, deniz kenarında bir miktar arazi satın alarak Meryem Ana'nın Uyuyuşu adına büyük bir kilise ve manastır inşa ettiler. O zaman, birçok Gürcü Atina'da dini hayatını devam ettirmek için bir araya geldi ve kısa zamanda İviron, Gürcülerin yurtdışındaki ana manastırı ve kültür ve eğitim merkezine dönüştü.

Makalenin amacı, Atina Dağı'ndaki İvironi Manastırı'nın tüzüğünün bize ulaşan parçalarını incelemek ve ön şartlarına dayanarak diğer tüzüklerle karşılaştırıp değerlendirmektir.

Anahtar Kelimeler: Tüzük, Khantsta Manastırı, Atina İvironi Manastırı, Aziz Grigol Khantsteli, Aziz Ekvtime Mtatsmindeli.

ABSTRACT

The paper deals the preconditions and parallels of the typicon of Iviron monastery, similarities and differences between them. It shows that the typicon Gregory of Khantsta developed in the 9th century was based on the typicon of the Lavra of Sabbas the sanctified in Palestine. Presumably, it would have been adjusted to the conditions of the Khantsta Monastery. The experience Father Gregory received during his trip to Greece could also be included at his discretion.

Salome ZVIADADZE

The Typicon of the Iviron Monastery in Athos was probably developed at the end of the 10th century. Georgian scientists have found that it was developed account for the traditions established on Athos.

The lifestyles of the brethren in Khantsta and Athos are essentially the same. This can be explained by the fact that the rules of life in Orthodox Christian monasteries were in general strictly determined and they have remained valid up until now.

Key Words: typicon, Khantsta and Iviron monasteries, St. Gregory of Khantsta, St. Euthymios Athony.

Методы

В статье нами использовались сравнительно-исторический метод и аналитический метод исследования, с тем, чтобы наилучшим образом представить ценность дошедшего до нас фрагментарного материала. Предметом нашего рассмотрения являются Ханцтийский типикон и типикон Иверского монастыря на Афоне. На основе чего можно судить об сути их происхождения и значимости в монастырской жизни.

Введение

На начальном этапе христианства, пока монашество еще было немногочисленным, т. н. отшельники трудились по законам, данным им святыми старцами, затем же, когда число монахов преумножилось и возникли монастыри, появилась необходимость в руководстве для упорядочения монастырской жизни и достижения успехов в добродетелях – Типиконе.

Деятель четвертого века преподобный отец св. Пахомий Великий – столп пустынножителства и монашеского общежития – основал первый христианский общежительный монастырь и от самого ангела принял монастырский устав, который впоследствии был положен в основу остальных монастырских типиконов, в том числе и грузинского (Григория Ханцтийского (Ханцтели), Евфимия Афонского, Григория Пакуриана (Бакурианисдзе) и других).

Предполагается, что монастырская жизнь в Грузии должна была утвердиться вскоре после провозглашения христианства государственной религией. Основание утверждать это дает «Мученичество святой царицы Шушаник» преподобного Якова Цуртавели, в котором говорится: «Епископ питахшского двора... отправился на дом к некоему *святому* мужу за советом»...Здесь под «святым мужем» можно предположить некоего отшельника, возможно, принявшего постриг монаха...(Джикия, 2004: 58).

Возрождение и развитие монастырской жизни в Грузии обычно увязывается с прибытием сюда ассирийских отцов – Иоанна Зедазнийского и 12 его учеников, что, согласно Корнелию Кекелидзе, должно было случиться в VI веке (Кекелидзе, 1956: 19-52).

Типикон Иверского Монастыря На Афоне: Предпосылки и Параллели

Итоги

В качестве вывода можно сказать, что и в Ханцте, и на Афоне огромное внимание уделялось неукоснительному соблюдению типикона как основы достижения христианских добродетелей.

Дискуссия

Ареал деятельности ассирийских отцов охватывал в основном Картли и Кахети, где ассирийские отцы оставили дошедшие до нас важные культурные памятники.

В конце VIII века в Тао-Кларджети, опустошенную нашествиями арабов и эпидемиями чумы, «по воле Божией» прибыл святой Григорий Ханцтели, полный благодати, совершенный в мудрости великий священник, во благе правящий подвижник, градоделец пустынь, небесный человек и ангел на земле вожденный Григорий, духовный отец, игумен и строитель Хандзты и Шатберди, двух славных монастырей, ставший добрым примером для всех отцов пустынников того времени в их новом строительстве.

Он вначале воздвиг Ханцтийский монастырь, где «волею Господа умножилось число братьев – служителей Христовых» (Дзеглеби, 1963: 258).

Агиограф свидетельствует: «Отец Григорий не сразу принимал к себе ленивых и нерадивых, но вначале испытывал их во всяких делах, поэтому ханцтийские монахи были достойны его и исполнены добродетелей», а также «пребывали в благодати духовной» (Дзеглеби, 1963: 258).

Отец Григорий вполне справедливо решил в основанной им церкви установить «порядок церковного богослужения, который никто не мог бы подвергнуть осуждению» (Дзеглеби, 1963: 264). Для этого сам обошел именуемый Вторым Иерусалимом Константинополь и «все значимые святые места Греции и молился там» (Дзеглеби, 1963: 264), что для него не составило особого труда, так как «был он искусен в языках многих» (Дзеглеби, 1963: 264), а своего друга, направлявшегося в Иерусалим, попросил привести устав, написанный и установленный Саввой Освященным (Дзеглеби, 1963: 264), что и было исполнено.

Проанализировав и сопоставив все, Григорий Ханцтели «утвердил и ввел устав церковный и монастырский, исполненный мудростью и осиянный наукою и собранный особо во всех святых местах» (Дзеглеби, 1963: 265).

Исследователь древнегрузинской литературы Н. Сулава отмечает, что «из палестинской и константинопольской богослужебной практики он внес в составленный им типикон самые лучшие, избранные положения... Монастырский устав Григория представлял собой не их случайное сочетание, но являлся положенным на грузинскую почву самостоятельным оригинальным уставом, приспособленным к нуждам своей церкви и монастырей. Если бы он отдавал предпочтение какому-либо одному уставу, Георгий Мерчуле это бы непременно отметил» (Сулава, 2018: 68).

Правда, автор произведения лишь вкратце упоминает, «каким уставом в Хандзте руководствовались прежде и каким теперь» (Дзеглеби, 1963: 266),

но главное все же очевидно: в основу всего этого были положены любовь, истовое терпение и смирение, спокойствие, постничество с неустанными молитвами, истинная вера, исповедуемая с чистым сердцем, правдивыми словесами, и стремление избежать всего несправедного, нечистого» (Дзеглеби, 1963: 265)

Первый настоятель Иверского монастыря на святой горе Афон Ивируна отец Иоанн тоже самое завещал братьям своим: „истинное смирение и неразделимое единство и мир, чтобы и здесь в этом временном земном мире жить спокойной тихой жизнью и так закончить свою мирское существование, тем самым в том будущем мире снискать себе право на вечную жизнь с благодатью и любезностью Господа нашего Христа“ (Дзеглеби, 1967: 59). Он же перед своей кончиной передал правление и все права отцу Евфимию, чтобы тот по своему усмотрению решал, как распоряжаться всеми делами, и сам определял порядок богослужения и правила монастырской жизни, которыми надлежало руководствоваться в монастыре (Дзеглеби, 1967: 57). И св. Евфимий установил в своем монастыре «правила и порядок с небесной благодатью»: «Впервые правила церкви и богослужебный порядок молитв и служб на весь год, как написано в «Великом Синаксаре», соблюдая его полностью и неукоснительно» (Дзеглеби, 1967: 69).

Собственно, о литургическом служении и последовательности службы в «Житии Иоанна и Евфимия» ничего больше не говорится, - подразумевается, что порядок, изложенный в «Великом Синаксаре», в те времена должен был быть общеизвестным.

В этом смысле более подробные сведения даются в «Житии Григория Ханцтели». Примечательно, что в Ханцте литургическое служение носило индивидуальный характер, так как «не было принято быстро исполнять песнопения, молитвы надлежало возносить неспешно и со смирением» (Дзеглеби, 1963: 266).

Всенощное служение длилось от наступления темноты до рассвета. В день, предшествующий всенощной, совершались часословия с добавлением ектении... Воскресные службы тоже исполнялись с особыми песнопениями (Дзеглеби, 1963: 266).

В Ханцте усопших предавали земле с особыми почестями. Служили панихиды на третий, седьмой, 40-й день и в годовщину смерти; кроме того с самого начала же для поминовения усопших в Ханцте «было назначено 200 дней в году и при этом раздавались просвиры» (Дзеглеби, 1963: 266).

Большое внимание уделялось соблюдению поста. В месяц гиоргоба (ноябрь) до дня святого Георгия не вкушали сыра: «Рождественский пост и посты в честь святых апостолов также соблюдали с большими почестями и великим смирением. Не говоря уже о великом, то есть предпасхальном посте. «Так поступали все отцы при мне», как написано в церковном типиконе, - отмечает автор (Дзеглеби, 1963: 266).

Типикон Иверского Монастыря На Афоне: Предпосылки и Параллели

С великими почестями служили ханцтийские отцы храму. Во время молитвы невозможно даже было представить себе переговариваться друг с другом, прислоняться к стене, дремать и без смирения сидеть; опираться на стену или посох дозволялось только старцам: «служить в алтаре в кожаной и меховой одежде монахи себе не позволяли сами» (Дзеглеби, 1963: 266).

На Афоне в Ивироне «никто к стене не прислоняется» (Дзеглеби, 1967: 70). Монахи подражали отцу Евфимию, который приходил в храм прежде всех, стоял на возвышенном месте и всем было видно, что он не опирался ни на посох, ни на стену и стоял в храме скромно, с большим вниманием и смирением» (Дзеглеби, 1967: 69). В Ивироне были специально назначены (благочиние восстанавливали) два инока-надзирателя, эпитирита, которые обходили кельи и выводили оставшихся в них монахов. Если же те не подчинялись и не желали покинуть келью, монахов подвергали надлежащему наказанию. При этом тяжкий труд и работа до изнеможения приравнивались к молитве» (Дзеглеби, 1967: 70).

Кроме тщательного исполнения молитвенных законов в Ханцте при отце Григории «строго соблюдался закон, установленный для учеников; в келье им дозволялось иметь лишь небольшое скромное ложе с убогой постелью и сосуд с питьевой водой» (Дзеглеби, 1963: 266). Чего-либо другого, подобного еде или питью, которое они вкушали вместе с трапезой, в келье быть не могло. Тем и довольствовались. Многие из монахов вина не пили вообще, а те, кто принимали, то лишь в малых количествах. В кельях дымового ствола не было, так как не то что разводить огонь, но даже свечи по ночам возжигать возбранялось. Ночью монахи псалмы читали по памяти, днем же постоянно читали книги и молились (Дзеглеби, 1963: 267).

Так было и на Афоне: свечи по ночам разрешалось возжигать только чтецам и переписчикам. Не было принято в келье возжигать лампаду или развешивать иконы. Была лишь одна икона или крест, чтобы во время молитвы поклоняться им и лобызать их (Дзеглеби, 1967: 70).

Монастырская братия Афонского Ивирона была свободна от всяческих забот обо всем материальном. Все, что им было необходимо, монахи получали из монастыря. Покупать, продавать что-либо, выгадывать, выигрывать, дарить кому-либо что-либо без приказа настоятеля запрещалось. Если кто-нибудь нарушал это предписание, отец Евфимий «быстро уличал провинившегося и сурово наказывал примерно» и приобретенное «предавал огню там же во дворе монастыря» (Дзеглеби, 1967: 77). Иванэ Джавахишвили отмечает, что в монастыре был принят принцип «полного отказа от частной собственности: могли существовать только общемонастырская собственность и общемонастырское хозяйство..., это представляло собой основание, на котором зиждилось устройство грузинского монастыря» (Djavakhishvili, 1965: 401).

Отец Григорий сам являлся примером во всем и соблюдал пост строже всех. Раз в день он вкушал лишь немного хлеба и воды, а в дни великих постов позволял себе немного цветной капусты и то в сыром виде...

«С самого детства он не знал даже вкуса вина. О многих добродетелях его самого и его учеников известно лишь одному Богу» (Дзеглеби, 1963: 267).

Избирательно принимал пищу и святой отец Евфимий. По понедельникам, средам и пятницам, за исключением великих праздников, в своей келье он вкушал хлеб и воду (Дзеглеби, 1967: 74). В другие дни трапезничал вместе со всеми. Вина, кроме времени службы не употреблял, но сам отведывал вина и пищу, предназначавшиеся для братии, чтобы пища и питье были надлежащего качества (там же). В Ханцте и Ивироне во время трапезы разговоры, смех и тем более веселье тоже не допускались и строго порицались (Дзеглеби, 1967: 75).

Отец Григорий, несмотря на строгость и требовательность, очень заботился о здоровье членов монастырской братии. Одной из причин этого было и то, что он забраковал землю и воду Абхазии. «Для монахов самым важным талантом является способность соблюдать пост», здесь же в знойной местности, «вредной для здоровья», им это «невозможно будет делать» (Дзеглеби, 1963: 268).

Евфимий Афонский весьма радел и о духовности братьев: кто ретиво молился и трудился, тем ничего не повелевал, а лодырей часто изобличал, а новоприбывших, наставлял и утешал (Дзеглеби, 1967: 72). В монастыре порой случались раздоры и даже ссоры; доходило порой до выдирания волос из бород и рукопашной. Отец Евфимий вначале ласково наставлял виновных, а затем после досконального расследования дела примерно наказывал (Дзеглеби, 1967: 73). Вообще наказанием считалось стояние на коленях, оставление на сухом хлебе и воде, а в особо сложных случаях - порка ремнем, розгами. Подвергнутые розгованию иногда две-три недели после этого отлеживались в постели. Отец Евфимий время от времени навещал их, подбадривал и утешал словесно, угощал чем-нибудь вкусным (каким-нибудь лакомством) и велел готовить для них особую пищу (Дзеглеби, 1967: 73). Наказанные не только не оставались обиженными, а наоборот считали, что приняли наказание как бы от руки самого Христа (Дзеглеби, 1967: 74). После вечера собираться и разговаривать запрещалось (Дзеглеби, 1967: 73).

Позднее «наказание биением было запрещено, если только монахи не слишком провинились». Зато за проявления непопорочности, непокорности, дерзости и прочие провинности монахов заключали в имевшиеся при монастырях темницы, где они содержались на сухом хлебе и воде, дабы учиться добродетелям» (Диди свинаксари, 2017: 418).

В «Житии святого Григория Ханцтели» о видах наказаний ничего не говорится. Автор лишь отмечает, что «добросовестно исполняющим свои обязанности монахам он воздавал должное, ценил их по заслугам, а провинившихся призывал покаяться в своих провинностях». А тех, кто не желал подчиняться принятым правилам, он вообще изгонял из монастыря (Дзеглеби, 1963: 303). Агиограф приводит высказывание опизского монаха: «В юности моей я трижды был изгнан отцом Григорием из опизской обители за мое неподобающее поведение» (Дзеглеби, 1963: 303).

Типикон Иверского Монастыря На Афоне: Предпосылки и Параллели

Св. Григорий Ханцтели неоднократно отказывался принять епископский сан, но стать архимандритом Кларджетской пустыни согласился и на протяжении многих лет до самой смерти управлял монастырями по правилам святых отцов» (Дзеглеби, 1963: 276). Отцы всех монастырей перенимали у него закон великого поста (Дзеглеби, 1963: 282).

На отца Евфимия были возложены великие заботы по управлению монастырем, переводу книг, наряду с рядом других мирских дел, так как ему была поручена и Великая лавра Афанасия Афонского, и старосты других монастырей «ничего не делали без его ведома»; по меньшей мере 10-15 старост ежедневно приходили к нему, - сообщает нам автор (Дзеглеби, 1967: 81), так как он был настоятелем всех монастырей на Афоне.

Несмотря на то, что ханцтийские монахи испытывали огромное уважение и любовь к отцу Григорию, даже ему они не прощали нарушения порядка и типикона; привоз в монастырь отроков Арсения и Евфремия вызвал ропот среди монахов, которые пришли и осудили своего настоятеля. «Когда святой Григорий выслушал эти их хорошие мысли, то возрадовался и поблагодарил и убедил, что это исключение допущено по воле Господа (Дзеглеби, 1963: 271-72).

Автор особо отмечает, что отец Григорий был весьма чтим самим Господом и все прислушивался к сказанному им, особенно государи того времени» (Дзеглеби, 1963: 274). Ученики же считали себя «овцами стада его». «Да будет воля твоя, а не моя!» - так подчинялись отцу Григорию все и даже сам первейший из епископов Ефрем Мацкверский (Мацкверели) (Дзеглеби, 1963: 287), подтверждением чего может служить эпизод во время Джавахетского собора. Мато также «против своей воли подчинялся неоспоримым приказаниям отца своего и стал впоследствии священником женского монастыря в Мере» (Дзеглеби, 1963: 284). Нельзя не отметить чрезвычайную и невероятную кротость Епифания (Дзеглеби, 1963: 292). Отец Григорий на глазах у всей братии и прибывших из других монастырей ударил посохом по голове служившего службу Епифания, старосту Ханцты, велел ему замолкнуть и разоблачиться. Тот безропотно выполнил требование духовника, а через некоторое время по его же приказанию снова надел свое облачение и поднялся в алтарь, «победив недуг гордыни». Все это отец Григорий сделал для того, чтобы всем была очевидна полная божественная кротость отца Епифания (Дзеглеби, 1963: 293).

Отец Ефимий был широко известен во всей Греции, его высоко ценили и чтили греческие цари и знать. Для выяснения причин волнений в Афонской лавре Афанасия царь Константин с почестями «пригласил его в столицу, чтобы научиться у него всему праведному, так как испытывал к отцу Ефимию большую любовь и доверял ему, что за его великие достоинства и добродетели» (Дзеглеби 1967: 89). Столичная знать воздала большие почести усопшему отцу и искренне оплакивала его (Дзеглеби, 1967: 91).

Несмотря на свой авторитет и огромный опыт, отец Ефимий единолично важные вопросы не решал. «Он призывал к себе тех братьев, у которых имелись знания в том или ином деле... и вместе с ними решал все в своих покоях, потому что он, трижды блаженный, хотя и знал все дела, но был столь скромнен, что не предпринимал ничего, не спросив других (Дзеглеби, 1967: 76).

Кроме соблюдения постов, молитв, скромности и подчинения отец Григорий в первую очередь придавал большое значение любви к ближнему – сам радовался гостям и щедро раздавал милостыню нищим (Дзеглеби, 1963: 308) – и любви между членами братства, любви к Иисусу Христу. Именно это он поручил Ханцтийским и Шатбердским монахам, навсегда покидая Шатберди: «Блюдите заповеди Христовы с уважением и любовью друг к другу и вместе со всем этим добродетелью несомненной скромности и молитесь друг о друге в ваших святых церквах» (Дзеглеби, 1967: 309).

Даже, казалось бы, на первый взгляд вполне обычное простое дело отец Григорий судил мудро. Один монах-отшельник испросил его соизволения соорудить в своей келье часовню для литургии. «Это дело «среди вместе живущих братьев» считается неприличным» – ответил ему отец Григорий. «Прежде всего и другие пожелают этого, и никто больше не станет посещать главную церковь. Кроме того, вижу в этом много вредного для души и не могу дозволить этого тебе». Это же он говорил и другим ханцтийским отцам (Дзеглеби, 1963: 307-308).

Великий деятель он был велик и в жизни, и в смерти. В качестве завещания он велел после смерти предать его земле на общем кладбище вместе с другими монахами, ибо «...никакими добродетелями не превосхожу я моих братьев» (Дзеглеби, 1963: 315).

Отец Евфимий перевел множество книг ночью при свете свечи, так как днем у него было много других дел; он руководил Ивионом, Великой лаврой, монастырями Святой горы; «сам участвовал в обработке виноградников и разгрузке лодок; ему самому приходилось надзирать за кладовыми, трапезными, сапожными мастерскими, стойлами для мулов, кузнями, плотницкими, лодочными мастерскими, пастухами, виноградниками и лодочниками – все нуждалось в его личном присмотре. Везде нужен был его глаз, чтобы монастырская жизнь была налаженной» (Дзеглеби, 1967: 84-89).

Святой отец радел о духовности братьев, наставлял их, поучал, судил. Обращал внимание на то, чтобы в монастырь не вводили малолетних отроков, – он их отдельно отправлял в деревню, где знал, что есть наставник хороший, духовный и опытный. И там они росли, и только с достижением зрелости («когда у них начинала расти борода»), их вводили в монастырь» (Дзеглеби, 1967: 82).

В хлеву все братья дежурили попеременно. Это их не тяготило, так как отец Ефимий наставлял: «Живущие в монашеском братстве достигают

Типикон Иверского Монастыря На Афоне: Предпосылки и Параллели

вечной жизни этими тремя делами: кротостью, смирением и отречением от своей воли» (Дзеглеби, 1967: 82).

Особо нужно выделить вопрос ввода в грузинский монастырь на Афоне посторонних, который стоял на законодательном уровне. Иоанн-Торнике привез с Востока грузинских монахов «числом немалым, и желал, чтобы только грузины жили в этом монастыре» (Дзеглеби, 1967: 49). Зная природу греков, предводители монастыря не желали впускать их в монастыри, но монастырское хозяйство было обширным, со всеми делами своими силами монахам невозможно было управиться, и они вынуждены были нанимать на работу греков. При этом нельзя были привлекать безбородых работников, чтобы «не подвергать братьев каким-либо искушениям» (Дзеглеби, 1967: 82).

Результаты и выводы

Естественно, невозможно было рассмотреть все источники и все предпосылки типикона Иверского монастыря на Афоне. В настоящей статье мы попытались отметить лишь основные совпадения. Нарушители типикона в обеих обителях подвергались наказанию. Отец Григорий в Ханцте и отец Евфимий на Афоне служили примером для братии своими истовыми молитвами, постничеством и трудом. Невозможно переоценить заслуги этих двух монастырей в истории грузинской православной церкви и литературы.

БИБЛИОГРАФИЯ

- DZEGLEBI, (1963/64), *Dzveli kartuli agiografiuli literaturis dzeglebi, tsigni I*, Tbilisi.
- DZEGLEBI, (1967), *dzveli kartuli agiografiuli literaturis dzeglebi, tsigni II. dasabechdad moamzades I. Abuladzem, N. Atanelashvilma, N. Gogudzem, M. Dolakidzem, Ts. Kurtsikidzem, Ts. Tchankievma da Ts. Jgamaiam Iia Abuladzis khelmdzgvanelobita da redakciit*, Tbilisi.
- GIORGI Mtatsmindeli, Didi svinaksari, (2017), *teksti gamosatsemad moamzades M. Dolakidzem da D. Chitunashvilma, khelnatserta erovnuli tsentri*, Tbilisi.
- DJAVAKHISHVILI, Iv., (1965), “kartveli eris istoria”, *tsigni 2, gamomtsemloba “sabtchota sakartvelo”*, Tbilisi.
- KEKELIDZE, K., (1956), *sakitxi siri el mogvatseta kartlshi mosvlis shesaxeb, tsignshi “etiudebi dzveli kartuli literaturis istoriidan”*, tomi. I, Tbilisi.
- SULAVA, N., (2018), “kartulita enita jami sheitsirvis”, *gamomtsemloba “mtsignobari”*, Tbilisi, 2008.
- DJIKIA, A., (2004), *IV-X saukuneebis monazvnuri cxovrebis suratebi dzvel kartul mtserlobashi, tsignshi “religiis istoriis sakitkhebi”*, Tbilisi.